

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Планы развития морских сил России в период непосредственно перед войной.

(1912—1914 г.г.).

Предположения морского генерального штаба о разработке планов войны на 1918 год. Возникновение вопроса о спешном усилении черноморского флота в связи с предполагаемой покупкой Турцией двух дредноутов. Записка министра иностранных дел Сазонова 23 ноября 1913 г. Доклад морского генерального штаба о срочных мерах для усиления черноморского флота. Предположения морского министерства о приобретении за границей линейных кораблей для Черного моря. Заседание у министра иностранных дел 8 февраля 1914 года. Русско-французская морская конвенция. Общение русского и французского морских генеральных штабов.

После проведения в законодательных учреждениях судостроительной программы 1912 года, получения кредитов на развитие портов, баз и на оборудование театра военных действий (см. гл. VII), морское ведомство было освобождено от необходимости доказывать право флота на существование. Перед ним раскрылись новые перспективы, в связи с использованием крупных сил, которые должны были влиться в его состав.

Казалось, они были предрешены планами, обуславливавшими создание флота. Но, по мере усиления и получения новых средств, планы обычно не остаются теми же. Так, в обзоре восстановления флота в период 1881—1904 г. г. мы видим, что уже в середине 90-х годов, как только вступили в строй новые суда—задачи обороны в Балтике сменились активными целями на Дальнем Востоке; когда обширные судостроительные программы были близки к завершению, была поставлена новая и более широкая задача одновременного преобладания и в Тихом океане и на Балтике (1903 год).

После крушения всех планов, после неудачного исхода русско-японской войны, флот имел весьма скромные задачи по обороне Балтийского моря. Но теперь, когда было положено прочное начало его будущему развитию, естественно, возник вопрос о новых задачах, об использовании флота в более широких целях нежели те, которые ему ставились в период его слабости.

Хотя большая часть мероприятий, о которых мы будем говорить в настоящей главе, осталась неосуществленной, но они представляют общий интерес для суждения о масштабе и характере идей, уже насаждавшихся, но прерванных мировой войной.

7 ноября 1913 года морской генеральный штаб докладывал морскому министру, что „в настоящее время окончательно выяснилось благоприятное и отличное начало воссоздания отечественного флота, вследствие чего центральной работой морского генерального штаба должна явиться разработка проектов дальнейших мероприятий, вытекающих из положенного удачного начала флота“.

Этих крупных мероприятий намечалось два:

„1) Надо так подготовить все возможные в будущем операции нашего флота, чтобы при какой политической и стратегической обстановке ни началась бы война, нынешний флот выдержал бы испытание с честью и удачей.

2) Надо так обеспечить будущее нашего военного судостроения, чтобы при всяких обстоятельствах оно сохранило бы тот широкий размах и ту рациональную систему, которые мы видим столь удачно осуществленными в ныне положенном его начале.

Первым вопросом является определение задач флота в 1918 году, получающего такую силу, что, кроме прежних скромных операций по обороне отечественных берегов, необходимо иметь и общую стратегическую операцию флота, имеющую в виду более широкую и плодотворную цель сверх обороны своих берегов, также и охрану свободы морских путей России. Очевидно, было бы не рационально строить военный флот на суммы, переходящие за миллиард рублей, для защиты побережья Финского залива от десанта двух немецких корпусов, весьма проблематического с точки зрения серьезного стратегического расчета. (Курсив наш. М. П.).

„Задач по обороне морских путей—было и остается три:

- 1) Из Атлантического океана в Балтийское море.
- 2) В Тихий океан из Японского моря.
- 3) В Средиземное море из Черного.

Выполнение первой задачи по причине подавляющего превосходства германского флота остается для русского флота еще надолго непосильным: выполнение второй, по

1) Архив Морискома, дело № 735.

совокупности политических и стратегических задач настоящего времени не может быть поставлено на очередь. Остается лишь одна активная задача—обеспечить свободу морского пути из Черного моря в Средиземное.

Выполнение этой задачи, повидимому, согласно существующей международной политической конъюнктуры неотложно, так как окончательное решение „восточного“ вопроса, вероятно, произойдет в ближайшие годы и тогда (каким бы ни оказалось это решение в отношении России) флот наш должен быть готов к военным действиям в Черном и Средиземном морях, дабы морское ведомство не заслужило снова тяжелого упрека в том, что, выстроив большой флот, оно не сосредоточило его в нужном месте и не подготовило к той стратегической операции, опираясь на которую, политика смогла бы с честью и с удачей провести Россию сквозь все тревоги и затруднения, которые неизбежно свяжутся с решением „восточного“ вопроса.

Следовательно, нам необходимо, имея в виду общий состав нашего флота в 1918 году, к этому времени подготовить возможные его активные операции совместно в Черном и Средиземном морях.

Такая подготовка включает в себе после судостроения еще следующие работы:

1) Создание и организацию личного состава для нового флота.

2) Создание, оборудование и организацию его оперативной базы (для данной операции).

3) Оборудование будущего театра военных действий в инженерном отношении и прочие происходящие отсюда мероприятия.

4) Создание средств снабжения и его организацию на данном театре военных действий для данной операции“.

Вся эта программа, по предположению морского генерального штаба, должна была быть выполнена к 1918 году.

„Вторым неотложным вопросом является вопрос о следующей программе судостроения, ибо, если мы хотим обеспечить новому флоту дальнейшее после 1917 года судостроение, то нужно уже теперь поднять этот вопрос в высших правительственных учреждениях, ибо совершенно нельзя поручиться, что через год-другой, в силу тех или других обстоятельств, вторая наша программа судостроения не встретит серьезных препятствий и осложнений при проведении в законодательных и правительственных учреждениях, и за хорошим началом создания крупного русского флота не последует новая остановка его развития, каких в его прошлом бывало так много“.

Поэтому морской генеральный штаб просил следующих директив:

1) Возможно ли положить в основание разрабатываемых планов войны, имеющих в виду строящийся флот, а также и тот, который будет строиться после 1917 года, как руководящую мысль всей нашей военно-морской подготовки на ближайшие годы, общую стратегическую идею о готовности нашего балтийского и черноморского флотов к операциям не только по обороне своих берегов, но и к активной совместной операции в Средиземном и Черном морях, для обеспечения, при всяких обстоятельствах, морского пути России из Черного в Эгейское море?

2) Должно ли положить в основание начатой разработки новой программы судостроения только что указанную общую идею—активного, а не только оборонительного флота России?

3) Должно ли представить соображения морского генерального штаба для всеподданнейшего доклада по этим вопросам?

„При этом следует указать,—писал морской генеральный штаб,—что по сношении с министерством иностранных дел выяснилось, что сосредоточение всех наших военно-морских усилий в Черном и Средиземном морях дало бы России более веский голос при решении „восточного“ вопроса. И что такая наша стратегическая мера была бы очень желательна нашему союзнику—Франции, подкрепление флота которой в Средиземном море нашей средиземноморской эскадрой против соединенного флота Австрии и Италии вполне отвечает желанию французского главного морского штаба“.

На этом докладе морским министром была положена резолюция „вполне одобряю и прошу работать в указанном направлении. И. Григорович“.

Согласно этой директиве, в морском генеральном штабе начались подготовительные работы в соответствии с намечающимся новым курсом нашей военно-морской стратегической мысли.

Среди документов того времени мы находим характерный черновой проект доклада, содержание которого, несомненно, приходится связать с определенным течением в министерстве иностранных дел (оформившемся в известном проекте Базили).

В виду особого интереса, мы считаем нужным привести основные мысли этого проекта, являвшегося весьма показательным для оценки тенденций нашего генерального штаба перед мировой войной.

Автор возвращается к задаче флота, формулированной в 1881-м году, где за Черным морем и его флотом признавалось первенствующее значение. Собираются все аргументы для доказательства, что и при современной обстановке главная задача русского флота—обеспечить выход в Средиземное

море. Делается ссылка на слова адмирала Дубасова, некогда им сказанные: „России нужен не Босфор, а Босфор и Дарданеллы, т.е. свободный выход из внутреннего Черного моря—на мировой простор“. „В свое время мы должны обладать обоими проливами“, „идея эта так давно и так глубоко лежит в русском сознании и она так проста в своем выражении, что всякое отступление от нее будет представлять опасность, и она всегда явится выражением того, что справедливо признается для России исторической заповедью“.

Политическая обстановка, предвидимая при захвате царской Россией Босфора и Дарданелл военной силой в случае серьезных осложнений, грозящих окончательно решить восточный вопрос, рисуется такой:

1) Франция не окажет помощи, но и не воспрепятствует захвату и может быть о нем предупреждена заранее.

2) Англия будет противиться, но, поставленная перед свершившимся фактом военного захвата, примирится с ним, и тем легче, чем лучшее стратегическое положение Россия будет занимать, при условии некоторых с ее стороны обязательств, гарантирующих торговое движение в Франции проливах.

3) Тройственный союз будет противиться, и в нем особенно решительно—Австрия.

При этом учитывается вражда Англии и Германии, что могло создать обстановку, при которой они будут сговорчивее с третьими державами.

Далее приводится такая схема:

П о л и т и к а.

1) Определенно, впредь до конечного решения задачи, нерушимо принимается для всех дипломатических усилий России следующая политическая цель:

В ближайшие годы—1918—1919 г.г. овладеть Босфором и Дарданеллами.

С т р а т е г и я.

1) В полной зависимости от принятой политической цели, целью всех морских стратегических усилий России ставится:

В ближайшее пятилетие—1913—18 г.г.—вполне приготовить серьезную морскую силу, ее базу и всю ее операцию, необходимую для военного захвата проливов при изъясненной выше политической и стратегической обстановке.

2) Добиться отмены международных постановлений (парижских конвенций и пр.) о закрытии турецких проливов для военных судов, т.-е. утвердить международное право всякой державы проводить свои военные суда из Средиземного в Черное море и обратно. Однако, только отмены конвенций, но отнюдь не установление „нейтрализации“ проливов, которая фактически отняла бы у России надежду когда-либо занять подобающее и необходимое ей господствующее положение.

3) Войти в самые дружеские сношения с Грецией, порта которой явятся необходимой для нашего флота базой при его действиях в Средиземном море.

Эти дружеские отношения с Грецией надлежит довести до заключения с ней военной конвенции о совместных действиях при нашем возможном захвате Босфора и Дарданелл и о соответствующем развитии некоторых греческих портов в качестве базы нашего флота, при русской, конечно, финансовой поддержке.

4) Политически подготовить захват проливов посредством:

а) Предварительного о том соглашения с Францией.

2) Сосредоточить весь русский флот, т.-е. балтийский и черноморский, в Эгейском море в течение 15—18 г.г.

При этом, оборона балтийского побережья должна быть возложена на армию и на Ревель—Порккалаудскую крепость вместе со всем (балтийским и черноморским) резервным флотом, который будет в 17-м году в составе 8 довольно сильных линкораблей с соответственными прочими частями.

3) Оборудовать в Эгейском море театр и базу своему флоту в пределах, допустимых международными постановлениями вообще и союзом с Грецией в частности. Здесь придется держать для нашего флота плавучую базу, которая будет стоять в греческих портах.

4) Стратегическая подготовка захвата проливов посредством:

а) Сосредоточения к 1918—1919 г.г. русской эскадры в 12 dreadнутов со всеми соответствующими другими частями флота (крейсера, миноносцы, транспорты и пр.).

б) Сближения с Италией и перемещения ее в сферу тройственного согласия, дабы при военных действиях, хотя бы в первое время, она не выступила активно против нас.

в) Если возможно, предварительное соглашение с Англией и во всяком случае тесная с ней дружба до решения нашей задачи, дабы Великобритании было бы труднее двинуться против нас.

б) Подготовка в Черном море десантной операции для оккупации берегов Босфора и Дарданелл...

в) Подготовка на случай войны наступательной операции сосредоточенного русского флота против австрийского и других, которые окажутся на его стороне.

Изложенный проект находился в периоде обработки в стенах морского генерального штаба, когда, силою событий, вопрос о Босфоре был поставлен на очередь.

Возникновение вопроса о спешном усилении черноморского флота в связи с предполагаемой покупкой Турцией двух дредноутов¹).

Это новое дело возникло из двух писем министра иностранных дел морскому министру в декабре 1913 года, в которых он прилагал копии своего всеподданнейшего доклада от 23 ноября и копию донесения посла в Константинополе от 14 ноября с указанием на положенную Николаем II резолюцию: „продолжать считать первейшим условием спокойного развития юга России—безусловное преобладание ее черноморского флота над турецким, поэтому нам предстоит необходимость чрезвычайных усилий для достижения и в будущем этого преобладания на Черном море“.

Посол в Константинополе сообщил о новых военно-морских вооружениях Турции. Эти вооружения не ограничивались заказанными в Англии дредноутами. Турецкое правительство стремилось, кроме того, к приобретению строящихся в Англии для южно-американских республик двух дредноутов покупке в Италии трех военных судов. Посол указывал, что финансовое положение Турции не помешает ей все-таки найти деньги для покупки судов, что затруднение в отсутствии личного состава также сможет быть устранено путем укомплектования иностранными командами и что необходимо считаться в самом недалеком будущем с усилением турецкого военного флота и преобладанием его на Черном море. „Такое преобладание совершенно недопустимо, так как неминуемо нанесет сильный удар нашему политическому преобладанию над Турцией“.

¹ Архив Морискома, дело № 735.

Приводя далее выдержку из письма морского министра от 21 апреля 1911 года Сазонову, в котором говорится, что „несмотря на меры, намеченные морским ведомством, к ускорению нашего судостроения на Черном море, надлежит иметь в виду неизбежность временного преобладания на нем турецких дредноутов, постройка коих в Англии возможна в течение двух лет“, посол указывает на необходимость найти средства к возможному сокращению срока неизбежного временного преобладания на Черном море турецких дредноутов, так как уже является опасность, что таковое может быть длительным.

Записка министра иностранных дел Сазонова 27 ноября 1913 года ¹⁾.

Донесение посла побудило министра иностранных дел Сазонова подать особую записку царю, содержание которой здесь мы приводим в значительных выдержках, связывая его как с сказанным в начале этой главы, так и с изложенным в главе III вопросом о стремлениях к захвату Босфора в предыдущую эпоху 90-годов.

В своей записке Сазонов писал: „События на Балканском полуострове, создавшие неустойчивое и непрочное положение на всем юго-востоке Европы и в мало-азиатской Турции, выдвигают перед министерством иностранных дел задачу—определить наше собственное отношение к условиям новой политической обстановки. При ликвидации балканской войны туркам удалось получить границы, обеспечивающие их столицу от болгар, но в то же время увеличилась опасность морского наступления со стороны Греции.

Военные поражения Турции в связи с расшатанным внутренним положением и печальным состоянием ее государственных финансов создали во всех европейских кабинетах убеждение в том, что на возрождение этого государства нельзя слишком полагаться, что долговечность турецкого владычества подвержена серьезному сомнению.

В связи с таким настроением все великие державы без исключения учитывают уже теперь возможность окончательного распада Османской империи и задаются вопросом о заблаговременном обеспечении своих прав и интересов в различных областях в Малой Азии. Этим объясняется усилившаяся деятельность Германии, Италии и даже Австрии, доселе не имевшей интересов в Малой Азии, создать и упрочить основание для политических притязаний в будущем дележе Османской империи.

Правда, нельзя не оговориться, что окончательное крушение Турции уже возвещается на протяжении двух столетий, но если внешние условия для Турции сложатся благоприятно, она еще долго может владеть существованием, обосновывая свою относительную безопасность на чужих раздорах и со-

¹⁾ Архив Морискома, дело № 531.

ревнованиях; но против решительного удара извне Турция не найдет сил для отражения; хотя желание мира как будто преобладает в настоящее время среди великих держав, поручиться за прочность общего положения в Европе невозможно. Эта неуверенность усиливается нынешним неустойчивым положением на Балканском полуострове в результате бухарестского мира.

Вышеуказанные условия создают для России сложные и нелегкие задачи. В наши непосредственные интересы не входит преследование каких-либо земельных приращений. Все потребности нашего внутреннего развития ставят задачу поддержания мира на первое место. Не оставляя этой главной и первостепенной задачи, мы не можем, однако, закрывать глаза на опасности международного положения, устранение коих зависит не от нас, а от них, так как мы не можем не задаваться мыслью о необходимости заблаговременного обеспечения своих прав и интересов, связанных для нас с постановкой исторического вопроса о проливах и оценке всего значения их для нас с политической и экономической точек зрения.

За последнее время вопрос о проливах осложнился новыми условиями, которые, с одной стороны, усилили экономическое значение проливов для России, а с другой—осложнили политические и стратегические трудности на пути к завладению ими.

Сложный и трудный вопрос охраны проливов в настоящее время разрешается в сущности довольно удовлетворительно с точки зрения наших непосредственных интересов; Турция представляется слишком слабым государством, неспособным угрожать нам и в то же время вынужденным считаться с более сильной Россией. Но раз долговечность Турции не обеспечена, то нельзя не задаться вопросом, допустим ли для нас переход проливов в полновластное обладание другого государства.

Проливы в руках сильного государства—это значит полное подчинение экономического развития всего юга России этому государству. Что же будет, когда вместо Турции проливами будет обладать государство, способное оказать сопротивление требованиям России? И для этого не нужно, чтобы государство, владеющее проливами, обладало бы само по себе силой великой державы, оно неизбежно приобретает эту силу из-за исключительных географических условий. Владеющий проливами—имеет ключи для наступательного движения в Малую Азию и для гегемонии на Балканах.

Не создаст ли эта неизбежность резкого антагонизма между всяким новым государством, которое стало бы на место Турции, и Россией?

Недопустимость для нас полновластного утверждения нового государства на проливах подала повод к предполо-

жению о возможности избежать такого положения созданием нейтрализации проливов, со срытием на них укреплений и с запрещением возводить новые. Едва ли подобная комбинация может быть признана удовлетворительной. Правовая норма действительна лишь в мирное время, в военное же время самое отсутствие укреплений будет только способствовать захвату проливов, а потому нам было бы необходимо такое же усиление наших военно-морских сил в Черном море, которое дозволило бы нам в любую минуту предупредить занятие проливов всякой иной державы“.

Дальше Сазонов ссылается на приготовления России к захвату Босфора в 90 годах: „С тех пор прошло 18 лет; между тем, когда заходит вопрос о деятельности той или иной крупной десантной операции, правительство останавливается перед почти невозможностью ее осуществить.“

В минувшем году, когда зашла речь о возможном движении наших войск на Константинополь, выяснилось, что в течение двух месяцев мы можем перевезти два корпуса, при чем приготовления заняли бы столько времени, что операция не могла бы остаться ни для кого неожиданной, иными словами, она просто оказалась неосуществимой.

В настоящее время приходится говорить не только о невозможности серьезных активных выступлений против Турции, но и о необходимости чисто оборонительных средств против морской программы, осуществляемой в настоящее время Турцией“.

„На основании данных, в разное время полученных министерством иностранных дел, приходится прийти к заключению, что в период 1914—15 годов турецкий военный флот будет иметь преобладание над нашим в Черном море по качеству своих судов и силе их артиллерии“...

„После громадных средств, израсходованных в течение ряда лет на создание мощной силы в бассейне Черного моря, Россия не может мириться с положением, при коем ее морское превосходство над Турцией может оказаться необеспеченным. Россия не может остаться безучастной к решению вопроса о проливах. Поручиться за то, что он не будет поставлен в недалеком будущем, мы не можем“.

„Государственная предусмотрительность требует от нас внимательной подготовки к выступлению, которое может потребоваться“.

„Предстоит выяснить, что может быть предпринято для усиления нашей военной и морской мощи на Черном море. Какие мероприятия потребуются со стороны военного и морского ведомств для ускорения мобилизации, в связи с оборудованием новых путей сообщения и доведением наших транспортных средств до должных размеров? Какие задачи могут в соответствии с этими средствами быть намечены, и

в какое время? Возможно или нет поставить в качестве заданий нашей армии и флоту прорыв через проливы и занятие Константинополя, если бы этого потребовали обстоятельства?"

„Указанные вопросы ставят на очередь обсуждение следующих мероприятий: 1) По ускорению мобилизации достаточной численности десантного корпуса. 2) По оборудованию потребных путей сообщения. 3) По приведению черноморского флота в положение, при коем он превосходил бы силы оттоманского флота и мог бы совместно с армией выполнить задачу прорыва через проливы для их временного или постоянного занятия, если это потребуется. 4) По увеличению наших транспортных средств до размеров, отвечающих потребностям десантной операции.

Последний вопрос тесно связан с ростом нашего хлебного вывоза из Черного моря, доселе обслуживаемого, главным образом, иностранными торговыми судами; он стоит в тесной связи с мероприятиями по оживлению нашего товарообмена через порты Черного моря. Министерству торговли и промышленности надлежит указать, что может быть сделано в этом направлении для осуществления государственной задачи увеличения наших транспортных средств в Черном море“.

В ряде мероприятий по усилении средств обороны в бассейне Черного моря и на границах Турции Сазонов с особым вниманием останавливался на так называемой перевальной железной дороге на Кавказе...

„...Вопрос о проливах едва ли может выдвинуться иначе, как в обстановке общеевропейских осложнений. Последние, если можно судить по внешним условиям, застали бы нас в союзе с Францией и возможным, но далеко необеспеченном союзе с Англией, или же „де юре“—желательном нейтралитете этой последней. На Балканах мы, в случае общеевропейских осложнений, могли бы рассчитывать на Сербию, а может быть и на Румынию. Отсюда выясняется задача нашей дипломатии—создать условия для возможно большего сближения с Румынией.

В неустойчивости нынешнего положения на Балканах—два фактора играют главную роль: первый из них—Австро-Венгрия, в которой усилилось племенное брожение, вызванное успехом сербов и румын и отношением к этому единоплеменников в пределах Габсбургской монархии; второй фактор—это невозможность для Болгарии примириться с тяжелыми последствиями бухарестского договора.

Оба эти государства либо могут сплотиться в общей цели вновь перекроить Балканы, либо оказаться в противоположных лагерях, если Болгария получит надежду иным путем вернуть себе Македонию.

Предоставленные сами себе, балканские государства неизбежно обречены на междоусобия, которые могут быть предотвращены только присутствием России, как руководящей активной силы*.

Свою записку министр иностранных дел заканчивал испрошением подвергнуть эти вопросы обсуждению в особом совещании для принятия тех или иных решений, с которыми могут быть сообразованы как внутренние мероприятия, так и направление внешней политики. Николай II с этим согласился.

К докладу была приложена справка о состоянии наших и турецких вооруженных сил (повидимому, составленная по данным морского генерального штаба), сущность которой сводится к следующему:

Года.	Р О С С И Я.			Т У Р Ц И Я.		
	Артил- лерия.	Броня.	Скорость хода.	Артил- лерия.	Броня.	Скорость хода.
1913 год.	Эскадра в составе 4-х ли- нейных кораблей.			Эскадра в составе 2-х ли- нейных кораблей.		
	16—12"	9"	16 узлов.	12—11"	11"	17 узлов.
	16— 8"					
1914—1916 гг.	Б е з п е р е м е н .			Вступают в строй 2 линейных корабля типа „дредноут“ („Решад“).		
				20—14"	12"	21 узел.
1917 год.	Вступают в строй 3 линейных корабля типа „дредноут“.			Вступают в строй следующие 2 новых линейных корабля.		
	36—12"	12"	21 узел.	20—14"	12"	21 узел.

Примечание. Взяты только линейные силы, не считая судов дру-
гих классов.

М. П.

Из сравнения сил вытекало:

1) В 1913 году русский флот господствует на Черном море, оставаясь, несомненно, сильнее турецкого.

2) В период 1914—16 годов господство на Черном море принадлежит Турции, так как новый турецкий дредноут „Решад“ один окажется сильнее русского черноморского флота, вследствие превосходства хода и бронирования, а главное — артиллерии. (Современная 14" артиллерия против наших 12" устаревающих орудий, средняя же артиллерия бессильна против брони „Решада“). Кроме того, приходилось считаться с возможностью еще большего усиления турецкого флота приобретением готовых кораблей. В этом направлении Турцией уже делались неоднократные попытки, в частности имелись сведения, что она заинтересована в покупке бразильских и аргентинских дредноутов, при чем нельзя быть уверенными, что финансовые затруднения помешают туркам усилить свой флот новыми судами.

3) В 1917 году, если только предположить, что Турция новых кораблей не купит, в Черном море установится некоторое преобладание русского флота, но оно будет незначительным, вследствие того, что 36—12" орудий русских дредноутов будут противопоставлены 20—14" пушкам двух турецких, артиллерия которых, вследствие большого калибра, будет в известных условиях иметь преимущество.

Ко всем этим соображениям приходилось прибавить невозможность для царской России и, наоборот, полную возможность для Турции в любое время увеличить свой флот на Черном море приобретением заграничных судов и введением их через проливы.

Не приходилось также упускать из виду и другое преимущество Турции, а именно: возможность, заказывая суда в Англии или Германии, получать новые корабли в 2 года, тогда как для сооружения судов на черноморских верфях — требовалось около 4 лет.

Доклад морского генерального штаба о срочных мерах для усиления черноморского флота.

Упомянутая записка министра иностранных дел послужила поводом для морского генерального штаба сделать 19 декабря доклад морскому министру, что „в настоящее время уже нет сомнений, что Турция купила линейный корабль „Рио де Жанейро“, строящийся в Англии, благодаря чему следует ожидать появления летом 1914 года на Черном море турецкой бригады в два дредноута, тогда как русская бригада будет готова лишь в 1916 году.

Указывая на последствия, которые это влечет для России на черноморском театре, морской генеральный штаб полагал необходимым:

1) Теперь же собрать совещание для выяснения срочных мер, могущих ускорить, хотя бы на несколько месяцев, окончание постройки черноморских дредноутов.

2) Обратиться в министерство иностранных дел с представлением о необходимости дипломатическим путем воздействовать в том смысле, чтобы задержать, хотя бы на несколько месяцев, отправление в Турцию строящихся в Англии турецких дредноутов „Решад“ и „Рио де Жанейро“.

3) Теперь же сделать попытку купить для России два готовых дредноута за границей у одного из южно-американских государств, обыкновенно охотно идущих на такого рода сделки, и привести их в Черное море.

Министерство иностранных дел высказалось, что такое нарушение конвенции о проливах оно не считает безусловно невозможным, и что, при известных условиях, оно бы, попробовало решить такую задачу. В данном случае Россия могла бы дать свое окончательное согласие на оставление в Константинополе миссии генерала Сандерса при условии ввода в Черное море двух купленных кораблей.

Если бы оказалось невозможным купить их у южно-американских государств, то их следовало бы заменить кораблями Балтийского флота „Андрей Первозванный“ и „Павел I“, но это тяжело отразилось бы на дальнейшем развитии Балт-флота.

4) Ко всем вышеизложенным мероприятиям должна быть прибавлена разработка нового плана операций, которая предусматривала бы посылку в 1914—15 годах, при определенных политических и стратегических условиях, балтийского флота в Средиземное море для действий против Турции. Если бы его действия в Эгейском море и у берегов Малой Азии и Дарданелльского пролива и не оттянули бы на время войны турецкой бригады из Черного моря в Средиземное, то, во всяком случае, хотя бы в моральном отношении, а отчасти и в материальном, господство турецкого флота на Черном море до некоторой степени компенсировалось бы господством нашего в Эгейском.

5) Сверх того, несомненно, необходимо, имея в виду позиционный бой у Босфора русского флота с турецкими дредноутами, ускоренным способом построить для Черного моря заградители, а также большое число миноносцев, что позволило бы осуществить серьезную, стоящую блокаду устья Босфора при наличной стратегической обстановке.

На этом докладе морской министр положил резолюцию: „прошу обсудить первое предположение“.

Со своей стороны, командующий морскими силами Черного моря адмирал Эбергард прислал 27 декабря морскому министру рапорт, в котором доносил о весьма трудном положении черноморского флота в связи с покупкой Турцией

„Рио де Жанейро“ и предстоящей в мае готовности дредноута „Решад“.

Он считал, что лучшей мерой было бы перевести в Черное море одновременно с появлением турецких дредноутов, или двух сверх-дредноутов, которые могут быть куплены в Англии из числа строящихся для южно-американских государств, или всей бригады четырех кораблей типа „Севастополь“, заканчивающейся постройкой для балтийского флота. Кроме того, он просил, принять самые решительные меры для быстрого усиления черноморского флота: экстренное перевооружение существующего судового состава черноморского флота; использовать наше право иметь двух стационаров в Константинополе и послать туда из Балтики броненосный крейсер „Рюрик“, а канонерскую лодку, которая там находится, заменить крейсером типа „Баян“. Для ускорения постройки линейных кораблей, миноносцев и подводных лодок в Черном море, взять выделяющие механизмы, станки, пушки и пр. для судов Балтийского моря. Кроме того, немедленно купить столько подводных лодок, сколько может быть прислано в Севастополь в середине 14-го года.

В ответном своем докладе морскому министру по существу рапорта командующего морскими силами Черного моря морской генеральный штаб доносил, что „больше вероятности за то, что в 1914 году Турция еще не будет располагать указанными дредноутами, тем не менее некоторые шансы остаются за то, что они могут появиться в турецких водах и раньше. Поэтому большинство мер, предлагаемых адмиралом Эбергардом, следует считать правильными, но они не являются какой-либо неожиданностью, так как относительно главных из них морским генеральным штабом уже было доложено и они одобрены“. Таким образом, главные из просимых мер уже принимаются, а именно:

„1) Вопрос о покупке за границей готовых линейных кораблей для Черного моря, изложенный 19 декабря 1913 года, получит окончательное разрешение в ближайшие дни.

„2) Вопрос о проведении в Черное море бригад наших кораблей типа „Полтава“ поставлен в письме министру иностранных дел от 22 декабря 1913 года. Он поставлен в том смысле, что морское министерство предполагает провести эту бригаду дредноутов в Черное море для усиления в 1915 году черноморского флота с тем, что для балтийского флота срочно будет выстроена новая бригада линейных кораблей. На это письмо ответ министра иностранных дел еще не получен.

„3) Относительно принятия экстренных мер для ускорения постройки черноморских дредноутов уже отдано распоряжение об обсуждении срочных мер, и повидимому в ближайшие дни выяснится возможность ускорить их готовность на 6 месяцев.

О желательности дополнения этих мер ускорением постройки миноносцев и подводных лодок морской генеральный штаб полагает, что тревожное политическое положение дает основание для экстренных расходов и мер, не предусмотренных ранее, и поэтому считает желательным обсудить этот вопрос.

„4) Что касается нашего права иметь в Константинополе два стационара и использования для этой цели сильных боевых кораблей, то, в случае одобрения этой меры министром иностранных дел, можно было бы сначала поставить один из крейсеров Балтийского моря с тем, чтобы потом заменить его, так же как и другой стационар, более сильным кораблем. Если будут куплены готовые корабли за границей, а провести их в Черное море не окажется возможности, то отправление их в качестве стационаров в Константинополь было бы единственным существенным способом усилить черноморский флот. Вообще говоря, такого рода мера понадобится лишь тогда, когда будут передаваться Турции ее новые линейные корабли, т.-е., вероятно, в 1915 году.

„5) В отношении пятой важной меры, предлагаемой командующим морскими силами Черного моря, о дальнейшем усилении черноморского флота, также уже были сделаны шаги в смысле представления царю доклада от 21 декабря 1913 года, по которому было получено разрешение на постройку в Черном море до 1915 года пяти линейных кораблей, с соответственным числом крейсеров и миноносцев“.

Согласно этого доклада, морской министр послал письма одинакового содержания министрам иностранных дел и финансов, в которых, излагая стратегическую обстановку, могущую сложиться на Черном море, вследствие усиления турецкого флота, указывал, что „все это заставляет изыскивать всевозможные меры для ослабления тяжелых последствий временного господства турок на Черном море, к числу каковых может быть применена покупка заканчивающихся постройкой в 1914—1915 г.г. заграничных дредноутов. Во исполнение этого, предполагается в ближайшее время войти с всеподданнейшим докладом на отправление уполномоченных от морского министерства лиц на судостроительные заводы в Англию и в С. Америку для немедленного заключения условий на покупку четырех дредноутов, предполагавшихся к продаже южно-американскими государствами: двух чилийских—„Адмиралте Латорре“ и „Адмиралте Кохрен“, заканчивающихся постройкой в 1915 году, и двух арген-

¹⁾ Архив Морискома, дело № 735.

тинских—„С.-Морено“ и „Ривадавия“, заканчивавшихся постройкой также в 1915 году.

Приближенная стоимость каждого исчислялась в 35 миллионов рублей.

„Хотя в настоящее время,—писал министр,—Турция и ведет переговоры об их покупке, но есть возможность их перекупить для России, при энергичных с ее стороны по этому делу действиях, при условии исключительного порядка изыскания потребных денежных средств, а также сохранения дела в секрете до его завершения“... „После приобретения этих кораблей, если нам удастся разрешить дипломатически трудную задачу проведения их в Черное море, то тем самым преобладание турок в этом море будет раз и навсегда устранено, так как Турции не удастся тогда изменить его в свою пользу...“

„...Если же провести в Черное море эти корабли оказалось бы невозможным, то они, во всяком случае, будут в ближайшие тревожные годы весьма полезны России в Балтийском море, а в особенности в Средиземном, где смогут составить, вместе с потребным числом крейсеров и миноносцев балтийского флота, наш средиземноморский отряд, который сможет взять на себя стратегическую задачу, при всякой политической обстановке компенсировать преобладание турецкого флота над нашим в Черном море...“

На эти письма был получен тотчас (7 января) ответ от министра иностранных дел, в котором он всецело присоединялся к высказанному мнению о необходимости оградить преобладание нашего флота над турецким.

Министр же финансов запросил разъяснений относительно возможности провода этих кораблей, ссылаясь также на то, что иностранные корабли будут отличаться по типу и вооружению от русских, что, наконец, морским министерством при проведении программы 1912 года было заявлено, что в течение ближайшего времени не предполагается делать какие-либо изменения в принятых программах и усиливать далее флот...

Когда морской министр, изложив всю историю вопроса, разъяснил министру финансов стратегическую обстановку на Черном море, последний, не встречая возражений против представления в совет министров вопроса о приобретении аргентинских дредноутов, поставил вопросы:

1) Какие потребуются добавочные судовые средства для образования средиземноморского отряда и откуда эти суда будут взяты: не потребуются ли добавочного ассигнования сверх 70 миллионов на расходы по приобретению этих судов, а также какие суммы потребуются к ассигнованию на посылку личного состава в Америку для привода предназначенных к покупке двух дредноутов?

2) Каким образом будет дислоцирован русский отряд в Средиземном море в случае войны, когда порты не только воюющих, но и нейтральных держав будут для него закрыты, и не повлечет ли это обстоятельство за собой оставление отрядом Средиземного моря вскоре же по открытии военных действий против Турции?

По существу затронутых вопросов генеральным штабом был сделан доклад, сущность которого была сообщена министру финансов в начале февраля 1914 года. Сообщалось, что необходимые крейсера и миноносцы могут быть взяты из состава балтийского флота. По второму вопросу разъяснялось, что, вследствие соглашения русского и французского генеральных штабов (см. ниже), Россия в настоящее время может иметь для своего флота в Средиземном море французскую базу. В военное время можно будет воспользоваться этой базой, потому что в ближайшие годы невозможно предполагать войну России с Турцией без вмешательства великих европейских держав. „Войны России с Турцией или же не будет вовсе, или Россия будет на нее уполномочена своими союзниками, или война будет общеевропейской. Во всех трех случаях мы можем воспользоваться французской базой для нашего флота“.

„Но даже если представить себе невероятный в настоящее время случай военных действий русского флота против Турции, без всякого участия европейских держав, то и тогда мы сможем иметь базу в Средиземном море, опираясь на греческое или болгарское его побережье. Одно из них, по заявлению министерства иностранных дел, во всяком случае будет предоставлено нам при войне с Турцией“.

В дальнейшем этот вопрос не получил развития в виду войны, но до самого начала ее мысль о покупке за границей дредноутов для усиления черноморского флота не оставляла морское министерство и оно возвращалось к ней не раз.

Озабоченное усилением черноморского флота морское ведомство, получив предварительно согласие Николая II, 17 марта 1914 г. вошло в совет министров с представлением о постройке новых судов. В его объяснительной записке указывалось:

„... Количество судов, постройка которых должна быть произведена спешно, определяется следующим образом:

а) Турция уже имеет два дредноута (фактически они были только заказаны и строились еще, но в строй не вошли. *М. П.*) и строит еще третий. Для того, чтобы противопоставить этим судам силу, способную бороться с ними с надеждой на успех, необходимо сейчас же начать строить, в дополнение к уже

¹⁾ Архив Морискома, дело № 180.

строющимся—четвертый линейный корабль, с условием иметь его в строю к началу 1917 года.

б) Для того, чтобы крейсера могли выполнить свое назначение, освещать нужные районы моря и защищать линейные корабли от атак миноносцев во время сражения, их должно быть не менее четырех. Поэтому в дополнение к строящимся двум необходимо заложить еще два того же типа.

в) Для успешности минных атак необходимо иметь известное число миноносцев, при чем каждая группа должна состоять из определенного числа миноносцев. По этим соображениям необходимо сейчас начать постройку восьми эскадренных миноносцев.

г) Подводные лодки должны быть увеличены в числе таким образом, чтобы для активной деятельности имелось их не менее двенадцати, т.-е. надо заложить еще шесть¹⁾.

(Кроме того, испрашивалась постройка специального дока для испытания подводных лодок).

Все эти постройки требовали нового ассигнования в 110 милл. рублей.

Этот проект был одобрен Думой и Государственным Советом и утвержден Николаем II 24 июня 1914 года. В том же году состоялась и закладка первых судов¹⁾.

Следует еще упомянуть о несостоявшейся продаже наших старых черноморских судов Болгарии (одного старого броненосца „Георгий Победоносец“ и резервного дивизиона миноносцев). Вопрос этот уже получил все санкции, но в виду изменения политической обстановки был отменен.

Заседание у министра иностранных дел 8 февраля 1914 года²⁾ Выше была приведена записка Сазонова, послужившая непосредственным поводом для усиления черноморского флота. Для обсуждения этой записки 8 февраля 1914 г.

он, по повелению царя, собрал совещание из представителей военного и морского министерств и некоторых чинов министерства иностранных дел (присутствовали: адмирал Григорович, начальник генерального штаба Жилинский, посол в Константинополе Гирс и др.).

На этом совещании обсуждалось положение на Черном море и был выдвинут вновь вопрос о десантной операции.

Приводим выдержки из журнала совещания:

В начале совещания Сазонов указал, что в настоящую минуту наступление значительных политических осложнений представляется мало вероятным, но что нельзя, однако, поручиться за сохранение даже в недалеком будущем существую-

¹⁾ Были заложены: линейный корабль „Император Николай I“, 2 крейсера и 8 миноносцев.

²⁾ Отдельный оттиск протокола—из архива Морискома.

щего положения вещей на Ближнем Востоке. По этому поводу Сазонов высказал твердое убеждение, что если в силу событий проливы должны будут уйти из-под власти Турции, то Россия не может допустить укрепления на берегах их какой-либо иной державы и может поэтому оказаться вынужденной завладеть ими, дабы затем в той или иной форме установить соответствующий ее интересам порядок вещей на Босфоре и в Дарданеллах. Заметив, что успех этой операции в значительной степени зависит от скорости ее выполнения, он указал на необходимость предусмотреть, помимо действий морских сил, еще и десантную операцию.

По предложению Сазонова, члены совещания высказали свои мнения:

Начальник генерального штаба указал, что для завладения проливами нужны значительные силы. Намечены для этой цели 7-й и 8-й корпуса Одесского военного округа, при чем первый эшелон, высаживающийся одновременно, не должен быть меньше 30—50 тыс. человек, иначе он будет легко подавлен.

На обращенные к Сазонову вопросы, кто будет противником, кроме турок, последний дал разъяснения, что против операции захвата проливов могут еще выступить Греция или Болгария, но в силу их исторической вражды и взаимного противоречия интересов, есть много шансов, что если одно из этих государств окажется противником России то другое станет на ее сторону и что они, таким образом, будут парализовать друг друга. На вопрос, может ли Россия рассчитывать в таком случае на поддержку Сербии, Сазонов ответил, что нельзя предполагать, чтобы действия русских против проливов происходили бы без обще-европейской войны, и что надо думать, что при таких обстоятельствах Сербия направит все свои силы против Австро-Венгрии. Охарактеризовав отношение Румынии к предполагаемой операции еще не вполне определенным, Сазонов указал, что Германия и Австрия никаких войск в направлении к проливам не пошлют, и что лишь в худшем случае Италия может выслать туда десантный отряд, хотя ей опасно будет оголять свою границу с Францией.

Генерал Жилинский, присоединившись к убеждению, что борьба за Константинополь вряд ли будет возможна без обще-европейской войны, высказал мнение, что трата войск на экспедицию против проливов и даже самая возможность этой операции зависит от общей конъюнктуры начала войны. Намеченные для этой цели южные корпуса могут быть двинуты на Константинополь лишь при отсутствии борьбы на западном фронте или благоприятном на нем положении вещей. В противном случае эти войска должны быть направлены на западную границу, ибо успешная борьба на запад-

ной границе решит благоприятно и вопрос о проливах. Так как по плану войны, составленному на случай войны на западном фронте, войска из внутренних округов должны будут войти в состав действующих на нем армий, то, к сожалению, не представляется возможным заменять на этом фронте намеченные для десантной операции южные корпуса другими частями изнутри империи, дабы корпуса эти могли при всяких обстоятельствах быть направленными на Константинополь.

Когда посланник в Константинополе Гирс высказал, что для операции можно было бы назначить расположенные на Кавказе корпуса, то начальник генерального штаба возразил против этого, заявив, что „в случае десантной операции на проливах нашей задачей должно быть не допустить сосредоточения остальных корпусов у Константинополя и оттянуть их к кавказской границе“.

Мнение Жилинского было поддержано и развито генерал-квартирмейстером Даниловым, который, не допуская возможности использовать для экспедиции кавказские корпуса, высказал, что, по его убеждению, „независимо от трудности выполнения задачи по захвату Константинополя, лежащего в глубине Босфора, сколько бы у нас ни было войск, даже гораздо больше, чем теперь, мы всегда должны будем предусматривать необходимость направить все наши силы на запад против Германии и Австрии. Мы должны стремиться к обеспечению успеха на главном театре войны; с победой на этом театре к нам придут благоприятные решения и во всех частных вопросах“.

Против этого возражали представители морского генерального штаба, заявив, что „Россия должна именно одновременно с операциями на западном фронте занять военной силой Константинополь и проливы, дабы создать к моменту мирных переговоров совершившийся факт нашего завладения ими. Только в таком случае Европа согласится на разрешение вопроса о проливах на тех условиях, на которых это необходимо России“. Они указывали, что если войск не хватает, то надо создать три новых корпуса специально для этой цели. Однако, сухопутные представители это последнее предположение признали невозможным.

Затем произошел обмен мнений относительно ускорения мобилизации и готовности частей Одесского военного округа, о транспортных средствах на Черном море, о перевальной железной дороге на Кавказе и прочих вопросах, связанных с темой совещания.

В результате было признано желательным проведение следующих мер:

- 1) Составить первый эшелон для намеченных в константинопольскую экспедицию десантных войск из 13 и 15 дивизий и 4-й стр. бригады, которые должны быть доведены до 84-рядного состава рот.

2) В артиллерийских частях Одесского военного округа ввести усиленную запряжку в мирное время, предусмотренную для пограничных округов.

3) Совместными усилиями министерств финансов, торговли и промышленности и морского принять самые срочные действительные меры к усилению наших транспортных средств на Черном море, в частности, чтобы правительством были бы заключены с субсидируемыми пароходными обществами соглашения об увеличении их флотов, и при том судами, как в отношении типа, так и в отношении оборудования удовлетворяющими специальным условиям перевозки войск.

4) Морскому ведомству в ближайшем будущем изыскать способ сократить срок, потребный для перевозки к проливам первого эшелона десантной армии в размере одного корабля, до 4—5 дней с момента отдачи о том приказа.

5) В возможно скором времени усилить Черноморский флот второй бригадой наиболее современных и мощных дредноутов.

6) В возможно скором времени закончить сплошной двухколейный путь от Тифлиса через Карс и Сарыкамыш к Караургану; провести перевальную дорогу; кроме того, необходимо проведение линии от станции Михайлово через Боржом до Карса (с веткой на Ольты) и желательно сооружение частными предпринимателями линии от Батума до Карса.

Таким образом, широкие предположения министерства иностранных дел свелись к мерам хотя и необходимым, но совсем не того порядка, какой был бы нужен для действительной подготовки десантной экспедиции. Отношение к этому вопросу, высказанное представителями военного ведомства, было недостаточно определенное. С одной стороны, они соглашались на нее, с другой—как только речь заходила о необходимых для этой цели войсках, то они заявляли о невозможности уделить их специально для указанной цели.

Эта последняя перед мировой войной попытка поставить вопрос о босфорской операции практического значения для подготовки к мировой войне не имела, во-первых, по причине различного отношения ведомств, а, во-вторых, до начала войны оставалось слишком мало времени, чтобы успеть создать что-либо за этот срок.

Большинство мероприятий, изложенных в настоящей главе, остались неосуществленными к моменту начала войны, являясь планами и перспективами для будущего.

Русско-французская морская конвенция. Общественное русско-французского и французского морских генеральных штабов.

К их числу надлежит отнести также и шаги, которые делались морским ведомством в отношении установления связи, обмена мнений и соглашений с союзниками. Как видно ниже, эти соглашения были связаны, главным образом, с предположениями морского ведомства, относящимися к моменту, когда

должны были быть выполнены судостроительные программы, так как ведомство в большей степени учитывало обстановку, которая сложится к тому моменту, нежели те действительные стратегические условия, которые надо было предвидеть в ближайшие годы.

Поэтому, достигнутые соглашения реального значения для мировой войны на море почти не имели, кроме общесоюзных отношений, установившихся в силу политических договоров. Их обзор приходится сопоставить с общей деятельностью министерства в последние годы перед войной и в связи с общим расширением задач флота, по мере проведения программы его развития.

В 1892 году между Россией и Францией была заключена военная конвенция, предусматривавшая согласованные действия русской и французской армии в случае войны с Германией. С того времени имел место постоянный обмен мнениями между русским и французским генеральными штабами, при чем периодически вносились поправки и изменения в планы войны, сообразно обстановке момента.

Помянутое соглашение имело чисто сухопутный характер. О действиях на море не говорилось ничего, и в то время когда военное командование находилось в стратегическом контакте, действия и намерения флотов ни в какой мере не были связаны между собой какими бы то ни было соглашениями.

Такое положение продолжалось до 1911 года, когда возник вопрос о необходимости договориться и о действиях союзных флотов.

Обстоятельства, при которых зародилась эта идея, свидетельствуют, что оба морских генеральных штаба не были слишком озабочены установлением связи. Она выявилась как бы случайно, по собственной инициативе русского военно-морского агента во Франции¹⁾.

Последний жил в отеле, куда въехал только что славший портфель морского министра Франции адмирал Лаперер. В частном разговоре с ним русский агент коснулся вопроса о желательности более близкого контакта между флотами, для согласования их действий в случае войны. Лаперер сказал по этому поводу, что он „старался показать русскому правительству свою готовность идти на это, но русское министерство не подало даже малейшего признака желания“...

На основании этого разговора военно-морской агент донес в морской генеральный штаб, что вполне возможно подготовить почву к соглашению с французским морским командованием.

¹⁾ По работе б. военного морского агента во Франции Карцова „Военно-Морская конвенция России с Францией“. Истор. отд. м. штаба № 1464.

Через несколько месяцев, в октябре 1911 года, он получил ответ начальника морского генерального штаба: „общение морских генеральных штабов, или вернее соглашение между ними, считал бы не только желательным, но и необходимым, когда бы у нас был закон о флоте—утвержденная на определенный срок судостроительная программа. Ныне это было бы отклонено французами при первом же шаге. Только наличие реальной силы или указание на срок ее готовности могут подвинуть дело; вступать же в сношения для выяснения нашей слабости на море—неполитично“.

Таким образом, французы считали, что русское морское министерство не склонно к соглашению, последнее же сомневалось в том, как принял бы подобное предложение французский генеральный штаб. Уже из того, что ответ агенту на его донесение пришел из Петербурга с запозданием в несколько месяцев, можно заключить, что там этому не придавали большого значения.

Осенью 1911 года начальник морского генерального штаба адмирал Эбергард получил другое назначение и его сменил адмирал Ливен, который иначе отнесся к этому вопросу. Приняв доклад приехавшего в Петербург морского агента во Франции, он признал совершенно необходимым вступить в сношения с французами по ряду вопросов, которые были намечены, именно: обмен секретными сведениями об иностранных флотах; выработка способов связи, общего шифра для сношений, свода сигналов на случай совместных действий флотов; „выяснение и разбор морской обстановки в связи с военно-сухопутной, имея главной руководящей целью содействие успеху на сухопутных фронтах“; „недопущение французским флотом подкрепления турецкого флота частью австрийского или итальянского“.

Разработанный морским генеральным штабом доклад был доложен царю, который приказал начать переговоры о заключении военно-морской конвенции с Францией.

После предварительных переговоров в июле 1912 года начальник русского морского генерального штаба прибыл в Париж. К его приезду почва для соглашения с французским морским генеральным штабом была уже подготовлена и, после нескольких заседаний, оба начальника морских генеральных штабов подписали проект военно-морской конвенции, следующего содержания:

1) Флоты обеих держав должны действовать в том же случае, в каком будут действовать армии.

2) С этой целью согласование действий должно подготавливаться в мирное время, для чего начальники морских генеральных штабов уполномочиваются обмениваться всякими сведениями, обсуждать стратегические задачи, разрабатывать

вопросы совместных действий и вообще всего, касающегося возможных операций.

3) Начальники обоих генеральных штабов должны обязательно раз в год видаться для обсуждения этих вопросов и о результатах их свидания должны составляться протоколы.

4) „Срок конвенции истекает одновременно с конвенцией военно-сухопутной“.

Не дожидаясь ратификации этой конвенции, начальники морских генеральных штабов предприняли обсуждение ряда вопросов, связанных с ролью обоих флотов, в случае вооруженного столкновения в Средиземном море с державами тройственного союза.

Обмен мнений коснулся двух предположений:

1) когда Россия оставляет без перемены силы, которыми она располагает в районе Средиземного моря, т.-е. в Черном море, и не ожидает подкрепления из Балтийского;

2) когда Россия посылает эскадру из Балтийского моря в Средиземное.

По первому предположению пожелания русского морского генерального штаба сводились к тому, чтобы французский флот заблокировал итальянский и австрийский флоты при их стремлении придти на помощь Турции. Выяснилось, что такая блокада вполне соответствует планам французских морских сил.

Затем был затронут такой вопрос: должен ли французский флот следовать за итальянским и австрийским, в случае, если они, решившись на действия в Черном море, направятся туда? В принципе было признано желательным, чтобы морские силы противников не могли бы дойти до Дарданелл, не выдержав предварительно в море боя с французским флотом. Однако, начальник французского генерального штаба оговаривался, что в случае, если англо-французское соглашение возложит на французский флот другую задачу, то он видит себя обязанным выполнить ту, которую ему укажут обстоятельства момента, и что было бы важно этот вопрос изучить совместно с британским адмиралтейством.

Был также рассмотрен случай, когда Австрия действует в согласии с Турцией против России, в то время, как Италия занимает относительно Франции „наступательное или просто сомнительное положение“. Признано, что роль французского флота будет зависеть от обстоятельств, но что его расположение в Бизерте, откуда он мог бы угрожать австрийцам, будет служить некоторой гарантией для прорыва последних к Дарданеллам.

В конечном счете, заключение по первому предположению вылилось в следующее:

„Сосредоточение французских морских сил в Бизерте с самого начала войны, в виде угрозы и оказываемого им давле-

ния на противника, представляло бы стратегическую меру, наиболее полезную для России. Обстоятельства потом укажут, в какую сторону должны быть направлены действия флота Франции, имея в виду:

а) французские интересы в западной части Средиземного моря,

б) необходимость для России сохранить господство на Черном море,

в) специальное положение, могущее создаться для Франции в Средиземном море, вследствие ее соглашения с Англией⁴.

При обсуждении второго предположения, т.-е. случая, когда Балтийская эскадра будет переведена в Средиземное море, возник вопрос о базировании ее на французский порт — Бизерту. Французы не высказали против этого никаких принципиальных возражений, кроме общего указания о необходимости получения полных сведений о потребностях русской эскадры, что является для порта новым заданием, требующим освещения.

Перейдя к другим вопросам, начальник русского морского генерального штаба высказал, что русский сухопутный генеральный штаб желал бы, чтобы французский флот произвел демонстрацию против берегов Швеции, дабы отвлечь ее военные силы от Финляндии, что освободило бы русские корпуса от шведской границы. На это французы заявили, что, при существующем положении, они полагают такую задачу совершенно невозможной, так как их флот сосредоточивается в Средиземном море, а на севере оставляются только оборонительные силы для действия в Ламанше. Было признано желательным этот вопрос обсудить с британским адмиралтейством, в виду того, что их флот сосредоточен в Северном море.

Резюмируя обмен мнений, по поводу стратегической обстановки в случае обще-европейской войны, адмирал Ливен высказался так: „Франция обеспечивает свободу действий в Средиземном море; Англия обеспечивает свободу плавания в Северном море; Россия—обеспечивает свободу плавания на Черном море, если в этом последнем она будет иметь дело только с Турцией. Что же касается Дальнего Востока, то морские силы, содержимые там Францией и Россией, в местах, очень отдаленных друг от друга, слишком слабы, чтобы создать возможность совместных действий обоих государств“.

Далее совещание начальников морских генеральных штабов рассмотрело вопросы связи (в частности об устройстве мощных радиостанций, обеспечивающих непосредственную радиосвязь русского и французского командований), шифров

и обмена секретными сведениями. Последний вопрос был нормирован специальной конвенцией ¹⁾.

Обе конвенции, вскоре после их подписания, были ратифицированы.

Ознакомившись с протоколами совещания начальников морских генеральных штабов, министр иностранных дел Сазонов остался ими недоволен. Он сообщил морскому министру, что, не встречая особенных возражений, он, однако, находит, что протокол „страдает в некоторых своих частях недостаточной определительностью, и может, при известных условиях, подать повод к различному толкованию“. Поэтому, принимая во внимание, что вновь заключенная морская конвенция предусматривает периодические обмены мнений между обоими начальниками морских генеральных штабов, он находил желательным, чтобы последующие обмены мнений имели бы своим предметом более точное изложение, как состоявшихся постановлений, так и последующего их развития. Кроме того, Сазонов считал нужным, „чтобы взгляды русского начальника морского генерального штаба, предварительно заявления его французскому товарищу, были бы обсуждаемы министром иностранных дел и председателем совета министров“.

Таким образом установилось общение русского и французского морских генеральных штабов. Нельзя сказать, чтобы достигнутое соглашение содержало бы в себе вполне отчетливые указания на взаимные обязательства договорившихся в отношении стратегических мероприятий на море; Сазонов был прав, — указав на неясность текста конвенции. Однако, в отношении обмена сведениями они были вполне точны.

Действительно, в последующие годы Россия получила от французов много ценных сведений, как в отношении техники, так и о флотах враждебных государств.

¹⁾ Текст конвенции об обмене секретными сведениями имел следующее содержание:

„1) Начиная с 1/14 сентября 1912 года начальники русского и французского морских генеральных штабов будут обмениваться всеми сведениями относительно своих собственных флотов, и регулярно каждый месяц письменными сведениями, которые обе стороны будут в состоянии узнать относительно флотов, война с которыми должна быть предусматриваема; в некоторых специальных случаях могут быть употребляемы шифрованные телеграммы.

2) Чтобы избежать разглашения этих справок, необходимо принять нижеследующий порядок передачи: всякий вопрос о сведениях относительно французского флота, интересующий русский флот, будет направлен русским морским агентом в Париже начальнику французского морского генерального штаба, и обратно, всякий вопрос о сведениях относительно русского флота, интересующий французский флот, будет направлен французским морским агентом в Петербурге начальнику русского морского генерального штаба. Этот способ будет единственный из всех других, т.-е. принципиально нельзя было спрашивать непосредственно у морских агентов сведений, касающихся их собственных флотов“.

В 1913 году в Россию приехал начальник французского генерального штаба адмирал Ле-Брис для очередного обмена мнений с русским начальником генерального штаба.

В ряде совещаний, имевших место, были, в общем, подтверждены соглашения прошлого года и выдвинуты некоторые новые вопросы, а именно:

1) В виду могущего представиться случая, когда обстановка потребует от русского флота прохода проливов, найдено полезным, чтобы оба генеральных штаба изучили бы, каким образом французский флот, не отвлекаясь от выполнения своей роли в Средиземном море, мог бы координировать свои действия с русским черноморским флотом для обеспечения стратегического сосредоточения в Средиземном море обеих союзных сил.

2) Решено организовать совместную разведывательную службу ¹⁾ для выяснения приготовлений к войне и вооружений флотов тройственного союза.

3) Было признано желательным, чтобы Россия построила мощную радиостанцию на Балтийском море для лучшей связи с Францией.

Наконец, начальник французского генерального штаба разрешил командировку во Францию русских морских офицеров для ознакомления с военно-морской техникой и, в частности, с постановкой дела подводного плавания.

Следующее свидание начальников морских генеральных штабов имело место в 1914 году.

В эту поездку новых, принципиального характера, соглашений выработано не было.

В результате, перед мировой войной соглашение в важнейших его пунктах, а именно, в отношении согласования операций французского и черноморского флотов, дальнейшей разработки не получило и ограничивалось лишь общими пожеланиями, которые были высказаны и запотоколены в 1912 году.

Помимо общения генеральных штабов, следует отметить поход русской балтийской эскадры во Францию в 1913 году, который не имел специально политической миссии, но прием, оказанный французами, как бы подчеркивал солидарность обеих флотов в предстоящей войне.

Что касается Англии, то отношения с ней устанавливались общими политическими соглашениями; такой непосредственной связи, как с французским морским генеральным штабом, у русского генерального штаба и британского адмиралтейства не было. Эта связь наладилась лишь с началом войны. Русская эскадра в 1913 году также посетила и Англию; перед самой войной с ответным визитом в Кронштадт приходила англий-

¹⁾ Агентурную.

ская эскадра адмирала Битти. Установилась атмосфера доверия, но конкретных стратегических обязательств по поддержке русского флота английским заключено не было.

Во время войны англичане и французы значительно содействовали России, оттягивая на себя большую часть сил германского флота. Но это было не столько результатом договоренности, сколько вытекало из самой стратегической обстановки и прямых задач их флотов. При этом, в частности на Балтийском море, русские никогда не были гарантированы от сосредоточения против них германского флота и план кампании (см. гл. VIII, „план 1912 года“) был построен на предположении, что русский флот должен противостоять всем силам германского флота, не рассчитывая на поддержку англичан.

Заключение. Этой главой мы заканчиваем обзор развития морских сил царской России и эволюции задач русского флота.

Прежде всего необходимо отметить, что последние годы исследованного нами периода являются как бы возвращением к тем идеям, которые были положены в основание плана воссоздания флота в 1881 году: тогда задача черноморского флота по овладению проливами была признана главнейшей, и теперь, накануне мировой войны, на первый план выдвигаются идеи, связанные с той же босфорской проблемой. С этой точки зрения, дальневосточная политика, приведшая к войне с Японией, продолжительная конкуренция с Германией на Балтийском море, а потом планы создания здесь мощного флота для борьбы с последней явились как бы отклонением от основной линии, соединяющей начальный и конечный моменты процесса создания русских морских сил в течение 30 лет.

Перед самой войной в морском генеральном штабе получают преобладание идеи, весьма разнящиеся от тех, которые направляли развитие балтийского флота после 1905 года. Ставятся иные цели, меняется вся стратегическая ориентировка, выдвигаются задачи по сосредоточению всего флота в Средиземном море. Этот поворот идей можно сопоставить с таковым же в 1903 году накануне войны с Японией, когда возникла мысль о перемене сосредоточения.

Это не было случайным. Идея такого поворота была вложена в первоначальные планы воссоздания морских сил после поражения на Дальнем Востоке. Еще в 1906 году считалось возможным использовать флот не только для обороны Балтийского моря. По мере того, как осуществлялись программы судостроения, активная идея все более созревала и оттесняла оборонительные тенденции. В предположениях морского генерального штаба 1912 года тот самый десант, которому должен был противостоять балтийский флот, и который являлся как бы официальным доводом в пользу создания русских морских

сил, тотчас был признан „проблематичным“, как только морское ведомство стало твердо на ноги и появилась уверенность в благополучном завершении судостроительных программ. Тогда раскрылись иные горизонты использования флота.

К 1914 году русский флот был очень слаб, новые суда начали вступать в строй позже. Но планы морского генерального штаба охватывали дальнейшие перспективы, при чем таковые разрабатывались, как это можно установить по документам, в тесном контакте с министерством иностранных дел. По ним мы можем судить о том, куда бы направилась русская морская политика и стратегия под давлением империализма, если бы мировая война не спутала всех карт и не прервала работу по разработке намечавшихся планов.

Примечание. Рост флота и размах судостроения России показан в таблицах и диаграммах. См. приложение.
